

ЗНАКОМСТВО ПО ОБЪЯВЛЕНИЮ

На холодильнике стоял небольшой магнитофон, из колонок которого негромко звучал последний концерт «ДДТ». В окно, словно пытаясь пробить стекло, остервенело билась большая чёрная муха. Там, на улице, ярко светило солнце, а в открытую форточку доносились крики мальчишек, гонявших во дворе мяч.

Андрей сидел на табурете, облокотившись на кухонный стол, напротив него сидел его давнишний друг Роман. На столе, на расстеленной газете, лежала горка вяленой рыбьей мелочи, стояла начатая полуторалитровая бутылка пива и две больших стеклянных кружки с янтарным пузырящимся напитком. Больше дома никого не было, родители Андрея с утра уехали на дачу, сказав, что вернутся лишь завтра, то есть в воскресенье, вечером.

– Чего делать-то дальше будешь? – Роман отхлебнул пива и взял очередного окунька.

Андрей неопределённо пожал плечами:

– Не знаю. Разводиться, наверное, будем. Знаешь, Ромыч, если честно, то надоело уже...

– Ирка-то сама молчит?

– Молчит... Да и фиг с ней! Не знаю, поторопился я, наверное, в своё время с женьтиьбой этой. Ведь сразу после армии, можно сказать, на первой встречной и женился. Поманила, а я и уши развесил.

Андрей жил у родителей уже третий месяц. В конце апреля после очередной ссоры с женой он побросал в сумку кое-какую одежду, бритву и, громыхнув напоследок железной дверью, ушёл из съёмной восемнадцатиметровой «гостинки»¹, в которой они жили с Ириной последние два года. Примерно через неделю он ещё раз приходил туда, чтобы забрать оставшиеся вещи. Ирина была дома, но никаких попыток примириться с мужем не делала: молча сидела на диване перед включенным телевизором и листала последний номер журнала «Бурда моден». Андрей тоже был демонстративно холоден и всячески выказывал полное безразличие к супруге. Он не торопясь уложил в дорожную сумку немногочисленные свои рубашки, брюки, футболки, взял несколько магнитофонных и видеокассет, сложил в отдельный пакет обувь и ушёл. С тех пор, уже месяца полтора, они не виделись.

– Сколько вы, четыре года прожили? – спросил Роман, с аппетитом отрывая зубами кусочек рыбы.

Андрей допил пиво из кружки, вытер рукой губы, взялся за бутылку – налить по новой – и кивнул:

– В августе четыре будет, – он криво усмехнулся: – Ну или не будет... Да ты понимаешь, ладно бы первый раз мы с ней так, а то ведь стабильно раз в месяц лаяться стали. Достала уже... То ей денег мало, то шмоток не хватает, то жить негде... Да чего я тебе рассказываю, сам знаешь...

1 «Гостинка» – комната гостиничного типа

Роман кивнул: он, конечно же, был в курсе всех семейных неурядиц своего товарища.

– Да-а... – протянул Андрей, досадливо поморщившись. – Всё равно толку уже не будет, точно разводиться надо.

На этот раз плечами пожал Роман. Он был холостой, и своего опыта супружеской жизни не имел.

– Смотри сам. Ладно хоть детей у вас нет, алименты платить не надо будет.

– Это точно, – согласился Андрей, – хорошо хоть детей нет.

Он снова отхлебнул пива и, вздохнув, откинулся спиной на стену.

– Рыбка классная у тебя получилась, – похвалил Роман закуску, беря чебака. – Самое то к пиву. Долго солил?

– Да солил-то недолго. Чего там – солью пересыпал, денёк полежали, а потом на балкон, под марлю. Мать только ругается, говорит, рыбой воняет, зато батя доволен, – Андрей усмехнулся. – Надо будет ещё сгонять на озёра, потаскать чебачков.

Когда бутылка закончилась, он убрал её под стол и достал из холодильника новую, быстро покрывшуюся в тепле капельками влаги. Аккуратно, наклонив набок и постепенно выпуская газ, отвинтил пробку и разлил пенящийся напиток в кружки:

– Давай, Ромыч, за нас. Чтоб у нас с тобой всё зашибись было.

Стукнувшись кружками, друзья сделали по большому глотку, после чего Андрей встал, взял полотенце и, подойдя к окну, хлестанул по надоевшей мухе.

– Достала уже... – недовольным тоном пробурчал он. Подобрвав убитую муху, выкинул её в форточку и снова сел за стол.

Какое-то время молчали, сосредоточенно разделявая рыбёшек и с удовольствием отрывая зубами суховатые солёные кусочки.

– А вот знаешь, хоть и ругались мы с Ирккой, конечно, – поднял глаза на приятеля Андрей, – а всё равно неприятно как-то... Скребёт чего-то там. Вдушё... Не один год всё-таки вместе прожили.

– Да? – глянул на него Роман. – Ну так, может, и не разводиться пока? Может, помириться ещё?

– Не-е... – поморщился Андрей. – Тут уже всё, ну его в баню...

– Ну тогда найди себе кого-нибудь, – посоветовал Роман. – Чтоб не скребло. Говорят же, клин клином вышибают.

– Ага... Найди... Легко сказать. Найдёшь, а там, может, ещё хуже будет. Знаешь, оно как-то неохота на те же грабли наступать.

– Так ты и не наступай. Я же тебя не в загс агитирую. Я говорю, так – познакомься просто, чтоб развеяться. А хочешь, я Светку спрошу, может, у неё на работе девчонка какая-нибудь нормальная есть?

Светка была подругой Романа, с которой он дружил уже пару лет, но оформлять отношения не торопился. Работала она поваром в заводской столовой.

– Да сто пудов, кто-нибудь есть! Давай, я хоть сейчас ей звякну.

– Не, не надо... – с сомнением мотнул головой Андрей.

– А чего? Я ж говорю, жениться тебя никто не заставляет, а так – сходили бы куда-нибудь вчетвером, в кафешку какую-нибудь. Побалдеть, потанцевать...

Андрей скептически скривил губы:

– Да не, Ромыч... Понимаешь, просто не хочется через Светку твою. Вдруг чего не так пойдёт... Знаешь, будут потом трепаться, кости перемывать...

– А-а... Ну как знаешь... Может, ты и прав.

Роман сдвинул в сторону лежавшую перед ним довольно уже большую горку того, что осталось от съеденных рыбёшек. Всмотрелся в открывшуюся газету.

– Во! – широко улыбнулся он. – А давай тебе через газету кого-нибудь найдём!

На том месте, где только что лежали рыбы головы, хребты и чешуя, под заголовком «Знакомства», в несколько колонок были напечатаны соответствующие объявления.

– Да ну... Смеёшься? – усмехнулся в ответ Андрей. – Чего я, совсем убогий, что ли?

– А что там, одни убогие, по-твоему?

– Ну а кто ещё? Кто так себе никого найти не может, вот и дают объявления, а другие такие же пишут им.

– Не знаю... Всякие, наверное, бывают. Я слышал, им там пачками письма шлют, а они потом сидят и выбирают, кто получше. – Роман наклонил голову к газете. – Во, смотри: «Двадцать шесть лет, рост сто семьдесят три сэ-мэ, шатенка, материально самостоятельная. Познакомлюсь с мужчиной двадцать семь тире тридцать пять лет...» Так, ну тут ты не подходишь, тебе же двадцать пять пока?

– Ну да... И про рост, главное, пишет, а про вес нет. А то, может, там тоже сто семьдесят три... Только килд...

Парни захохотали.

– Смотри, вот ещё... – Роман, отставив кружку с пивом в сторону, водил пальцем по газете.

– Да ладно ты, Ромыч, хорош ерундой маяться! Пиво лучше пей.

– Ничё не ерундой! Сейчас найдём тебе подругу жизни, а пиво никуда не денется. – Того, похоже, и впрямь заинтересовали объявления. – Вот, слушай: «Девушка, двадцать пять лет, желает встретить друга жизни». Гм... и всё, ни слова больше. «Абонент сто семнадцать». А цвет волос, рост, вес? Всё при личной встрече? Или вот ещё смотри: «Интересная женщина, блондинка, двадцать шесть лет, хочет познакомиться с интеллигентным мужчиной...» – он поднял глаза на Андрея. – Дюша, ты же интеллигентный?

– А то! – усмехнулся тот.

– Во-от, и я говорю... Значит, подходишь. – Роман снова опустил глаза в газету. – «...материально самостоятельным, ростом не ниже ста семидесяти пяти сэ-мэ. Была замужем, имею сына трёх лет».

– Не-не-не... – замотал головой Андрей. – Ты чего, смерти моей желаешь?

– Да ладно, ладно... Вычёркиваем! Главное, в самом конце про это пишет. А то сначала – блондинка, туда-сюда... Так, дальше поехали: «Мне двадцать восемь, вэ-о²...».

– Не, – сразу перебил Андрей, – с «вэ-о» тоже не надо. У меня-то «вэ-о» нет, будет смотреть сверху вниз, типа, самая умная.

– Ладно, с «вэ-о» тоже пропускаем. Вот, слушай! «Средне-специальное медицинское, рост сто шестьдесят шесть, двадцать четыре года, без вэ-пэ...».

– Без какого ещё «вэ-пэ»? – не понял Андрей.

– Не какого, а каких – без вредных привычек...

– А-а... понятно...

– «Познакомлюсь с женщиной близкого возраста для серьёзных отношений. Абонент номер сто шесть». А? Как тебе? Средне-специальное медицинское, это медсестра, что ли?

Андрей отхлебнул пива:

– Не знаю, наверно.

– Ну вот... Своя врачиха дома будет.

– Не врачиха, а медсестра.

– Да какая разница? Главное – медичка, вылечит, если что...

– Ага... Поди, страшила какая-нибудь.

– Да почему?! – поднял брови Роман.

– Ромыч, ну ты сам подумай, какая девчонка в двадцать четыре года, да ещё и медсестра, будет объяву в газету о знакомстве подавать? Наверняка на которую никто и не посмотрит.

– Ну не знаю... Может, сильно скромная какая-нибудь. Всякие бывают.

– Да ладно, фиг с ними! – Андрей снова разлил пиво по кружкам. – Давай лучше о чём-нибудь другом поговорим...

– Может, покурим пойдём? – предложил Роман.

– Пошли покурим...

Часа через два Роман ушёл. Андрей отдал ему три пустых «полторашки» из-под пива с просьбой выбросить их в мусорку на улице. Когда стал заворачивать в газету рыбки остатки, чтоб убрать их в мусорное ведро, вдруг остановился. Сдвинув кости и чешую в сторону, нашёл глазами нужное объявление и прочитал вслух:

– Абонент номер сто шесть.

«А может, и вправду попробовать написать? – мелькнула мысль. – Так-то вроде нормально всё: рост сто шестьдесят шесть, двадцать четыре года. Чем чёрт не шутит? Вышибить клин клином». Впрочем, писать было не обязательно, издание было местное, можно было просто зайти в редакцию. Завернув угол газеты, он прочитал на последней странице адрес, глянул на номер. Подумал: «Нет, лучше записать, а то забуду». Выйдя в коридор, взял лежавшую у телефона ручку и написал на листке бумаге: «Абонент 106, «Панорама» № 25 от 16.06.93г».

В редакцию газеты «Панорама» Андрей зашёл уже в понедельник, убежав с работы в обеденный перерыв. Спросив у вахтёра, где находится нужный ему кабинет, он поднялся на третий этаж, подошёл к двери и, вдруг заволновавшись, остановился. «Как там сказать-то правильно?» – сдвинул он брови, взявшись за разболтанную ручку поцарапанной лакированной двери.

Но тут дверь открылась сама, и из кабинета в коридор вышла высокая полная дама.

– Вы к нам? – приветливо улыбнулась она Андрею. – По какому вопросу?

– Да я вот... – смутившись и даже немного покраснев, пробормотал он и

показал бумажку, на которой сделал запись. – Как бы мне... – Андрей заглянул в листок, – найти абонента номер сто шесть.

– А, вы по знакомству? – громко уточнила женщина.

Андрей смутился ещё сильнее, даже, показалось, вспотели ладошки.

– Ну да... – Он переступил с ноги на ногу и сунул бумажку в карман.

– Секундочку... – Женщина снова скрылась за дверью, но буквально через пять секунд вернулась. – Вот, держите бланк. Заполните и отдайте во-он той девушке, – она показала рукой вглубь кабинета. – Вот тут укажите номер интересующего вас абонента, – она ткнула пальцем в серую бумажку, – номер газеты, в которой было объявление, а вот тут ваши данные: телефон, если есть, имя, возраст, образование, ну и так далее...

– А ручка? – глянул на неё Андрей. – У меня ручки нет.

– Ручка? Сейчас... – Снова зайдя в кабинет, женщина вынесла ему авторучку. – Той же девушке потом отдадите. – И она пошла прочь по коридору.

– Хорошо, спасибо, – пробормотал Андрей и отошёл к окну.

Заполнив бланк на подоконнике, он отдал его в кабинет и вышел на улицу. Настроение у него после визита в редакцию почему-то испортилось. «Да ну, ерунда какая-то, знакомства эти газетные... Точно, дурака сваял! Может, вернуться и забрать? – думал он, шагая обратно на работу. Но потом махнул рукой. – Да ладно! Будь что будет! Всё равно, поди, никто не позвонит».

А на следующий день у него и вовсе вся эта история с объявлениями вылетела из головы. И когда мать в четверг вечером заглянула к нему в комнату, сказав: «Андрюша, тебя какая-то дама к телефону просит», он удивился. Сначала подумал – Ирина, но тогда мать так бы и сказала, невестку она узнавала по голосу.

Выйдя в коридор, он взял трубку:

– Алло.

– Здравствуйте, – послышался тонкий голосок. – Это Андрей?

– Да, Андрей. Здравствуйте...

Последовала короткая пауза.

– Это Нина, – представилась звонившая и тут же пояснила: – Хотя вам моё имя, конечно, ни о чём не говорит. Я... помните, вы в газете оставляли свои данные и телефон? Ну... по объявлению. Абонент сто шесть... – голос девушки был тихим и неуверенным.

До Андрея дошло.

– А-а... – растерянно протянул он, – понятно. Я просто... если честно, то не ожидал.

Он вновь почувствовал смущение, как тогда в издательстве, даже сердце заколотилось быстрее.

– Да? А я вот сегодня после работы зашла в газету, и мне там ваш телефон передали, – продолжала Нина. – Я и подумала, может, мы тогда встретимся с вами? – и поспешно добавила: – Если вы не передумали, конечно...

– Да нет, – Андрей растерянно пожал плечами и привалился плечом к дверному косяку, – не передумал. Давайте встретимся. А где и когда?

– Вот смотрите... – девушка заговорила быстрее, словно заторопилась. – Завтра пятница, я весь день на работе буду, а в субботу я свободна. Мы могли бы встретиться часов в одиннадцать.

– Утра? – уточнил Андрей.

– Ну... да...

– Да нет, это рано. Давайте хотя бы часа в два.

– Хорошо, – быстро согласилась Нина, – давайте в два, если вам так удобнее. Андрей, а вы в каком районе живёте?

Он сказал.

– Вот здорово! – обрадовалась девушка. – Оказывается, я живу совсем недалеко от вас. Ой, секундочку... – она вдруг замолчала, в трубке стало тихо.

Андрей стоял и ждал. Через несколько секунд Нина появилась снова:

– Андрей, вы извините, я из автомата звоню, тут уже торопят меня. Андрей, а вы не против, если мы встретимся здесь же, откуда я сейчас вам звоню. Тут телефон-автомат на углу продовольственного магазина, «Колос» называется, вы, наверное, знаете такой... Он тут один. Синий... Я имею в виду автомат...

– Да, да, я знаю где «Колос».

– Андрей, тогда мы договорились? В субботу в два у автомата на углу «Колоса», – скороговоркой подытожила девушка.

– Договорились.

– До свидания, Андрей, я буду вас ждать.

Он положил трубку. Из кухни выглянула мать в заляпанном мукой фартуке.

– Это кто? – с интересом посмотрела она на сына.

– Да так... Не бери в голову, – поморщился тот.

– Знакомая, что ли? – не отставала мать.

– Ой, мам... Никакая не знакомая, так просто... – Андрей махнул рукой и, развернувшись, ушёл к себе в комнату, плотно закрыв за собой дверь.

Звонок почему-то вывел Андрея из душевного равновесия. Если честно, то он не верил до конца в возможность такого вот знакомства – через газету, и хоть и сходил в редакцию, но относился к этому как к некой игре, забаве. Но сейчас всё приобретало вполне себе реальные черты.

Он пытался отбросить ненужное волнение, убеждал себя, что ничего особенного в предстоящем свидании нет, однако совсем не думать о нём не получалось. Очень уж непривычно всё было.

«А может, не ходить?» – спрашивал себя Андрей. Но мысль о том, что некая, пусть совсем и незнакомая, девушка будет ждать его в условленном месте, а он, пообещав, не придёт, была ему неприятна. «Получится, будто я струсил. Да и вообще – нехорошо как-то, некрасиво будет. Ладно, схожу. Не понравится, так что-нибудь придумаю и смотаюсь по-быстрому, а если нормальная окажется, то можно будет и погулять с ней. Всё равно делать нечего», – с этими мыслями он более-менее и успокоился.

В субботу, собираясь на встречу, Андрей на всякий случай решил одеться получше: погладил широкие светло-бежевые брюки, яркую цветастую рубашку с короткими рукавами, протёр влажной тряпочкой кожаные туфли. Пшикнув пару раз одеколоном на голову, на шею, он вышел из дома.

Погода была хорошая. В небе проплывали редкие облака, лёгкий ветерок сдувал излишнюю жару и приятно освежал голову. «Сегодня можно было бы и на речку сходить, покупаться, – подумал Андрей, глядя на небо. – Может, Ромычу потом позвонить? Если дома будет, так его уболтать за компанию».

К телефону-автомату у магазина «Колос» он подходил не спеша, стараясь издали угадать Нину. Хотя угадывать было особо не из кого. Прямо у автомата стояла женщина возрастом явно старше двадцати четырёх лет, к тому же она ожидала своей очереди позвонить, с недовольством поглядывая на занятую телефонную будку. В стороне, метрах в десяти от телефона, худенькая девушка, одетая в какое-то нелепое длинное платье в мелкий цветочек, разговаривала с помятым пожилым мужиком бомжеватого вида. Больше никого поблизости не было.

«Опаздывает, что ли?» – посмотрел на часы Андрей. Подойдя к телефонной будке, он остановился.

– За мной будете, – сердито глянула на него женщина, ждавшая своей очереди.

– Да нет, я не звонить, – отрицательно мотнул головой Андрей и отступил в сторону.

Достав сигареты, он закурил.

– Извините, вы не Андрей? – раздался вдруг сзади женский голос.

Он обернулся. Спрашивала та самая девушка в нелепом цветастом платье.

– Да, Андрей.

– Здравствуйте, – улыбнулась девушка, – а я Нина.

Он выпустил струю дыма в сторону и кивнул:

– Очень приятно.

Девушка ему сразу не понравилась. Она была некрасива. Довольно широкие скулы и небольшой острый подбородок делали лицо треугольным, а тонкий нос с горбинкой напоминал клюв какой-то большой птицы. Светлые рыжеватые волосы были собраны на затылке в тугую косу, доходившую почти до пояса. Веснушки, заметные на лице, были ещё сильнее видны на тонких белых руках. Длинное тёмно-синее платье в мелкий жёлтый цветочек сидело на девушке мешковато, а в неглубоком вырезе виднелись выступающие ключицы.

– Ну что? – тихо спросила Нина, нерешительно переступив с ноги на ногу и глядя на Андрея. – Что мы будем делать?

Впрочем, голос у неё был приятный. Не звонкий, но мелодичный, мягкий. Такие голоса успокаивают, навевают что-то доброе и домашнее. И ещё у Нины были большие насыщенно-синего цвета глаза, но лицо от этого красивее почему-то не казалось.

Андрей затаился, снова выпустил дым в сторону и неопределённо пожал плечами.

– Не знаю... – он старался смотреть вниз, по сторонам, лишь мельком бросая взгляды на девушку. – Можно прогуляться немного, до парка дойти.

– Хорошо, – быстро согласилась Нина, – давайте до парка. Только, знаете что...

– Что?

– Андрей, вы извините меня, пожалуйста, но, если честно, я не была до конца уверена, придёте ли вы... Понимаете, мне надо бабушку сначала предупредить.

– Бабушку? – удивился он.

– Да. Я живу с бабушкой, и сказала ей сейчас, что пошла ненадолго в ма-

газин. Это здесь, совсем рядом, – Нина показала рукой в сторону. – Мне буквально на минуту заскочить и всё. Сказать, чтоб она меня не теряла, чтоб не волновалась. А вы бы меня у подъезда обождали.

– Ладно, – Андрей подошёл к урне и выбросил окуроч, – пойдёмте.

Они пошли во дворы. «А может, сейчас и смотаться как раз? – Андрей искоса глянул на Нину. – Пока она ходить будет? Точно! И придумывать ничего не надо будет. Всё равно же не знает, где я живу, а если и позвонит потом, так отбрешусь».

Подошли к дому.

– Андрей, я быстро, – Нина виновато улыбнулась и быстрым шагом направилась к подъезду. Потом вдруг остановилась и посмотрела на него. – Вы же меня дождётесь, не уйдёте? Я буквально на минуту.

Андрей замялся. У него было ощущение, что она прочитала его мысли. Кашлянув, он коротко кивнул:

– Конечно, дождусь.

Нина снова улыбнулась и, повернувшись, побежала в подъезд. Андрей сел на лавочку: «Ёлки-палки... Вот точно – чёрт меня дёрнул связаться с объявлением этим. Ходи сейчас, гуляй с ней».

Девушка, как и обещала, вернулась быстро. На этот раз с ней была ещё женская сумочка, похожая на огромный кошелёк.

– Я всё! – энергично кивнула она Андрею.

– Угу... – Он поднялся с лавки, сунул руки в карманы, и они двинулись в сторону парка.

Андрей шёл чуть впереди, Нина на полкорпуса сзади. Он искоса поглядывал по сторонам, думая о том, как бы не встретить кого-нибудь из знакомых. Глянул быстро, сколько время: было двадцать минут третьего. Подумал: «Ладно, до трёх похожу с ней, а потом что-нибудь придумаю».

– Вам куда-то надо, Андрей? Вы торопитесь? – поинтересовалась Нина, заметив, как он посмотрел на часы.

– Да не особо, – уклончиво ответил он. – Так, обещал одному знакомому...

– А-а...

Опять замолчали.

– Андрей, а где вы работаете? – через какое-то время поинтересовалась Нина.

– А? Где работаю? – переспросил он. – Телемастером в службе быта. Телевизоры ремонтирую, магнитофоны всякие, приёмники...

– Да? Вот здорово! А я вообще в этом ни бум-бум, – смущённо улыбнулась девушка. – Всегда удивлялась, как это люди разбираются во всех этих схемах. Транзисторы, конденсаторы, лампы какие-то... Тёмный лес, по-моему.

– Да нет, ничего особенного. А вы чем занимаетесь? – спросил он больше из вежливости.

– Я медсестра. В нашей районной поликлинике работаю, в детской, на участке.

– Как это – на участке? – не понял Андрей.

– Ну... понимаете, район же ещё на несколько участков поделен. У каждого участка есть свой врач – участковый, – она глянула на него.

– А-а, понятно, – кивнул он.

– Ну вот, а я получаюсь участковая медсестра при таком враче.

Шедшая навстречу им женщина вдруг улыбнулась и поздоровалась с Ниной.

– Добрый день, – радостно улыбнулась та в ответ.

– Кто это? – нахмурившись, поинтересовался Андрей. Ему не хотелось, чтоб их видели вместе какие-нибудь знакомые, или, того хуже, родственники.

– А это как раз мамочка одна с нашего участка.

– И что, вас прямо в лицо узнают?

– Конечно, – пожала плечиком девушка. – Некоторые часто у нас бывают. Запоминают. И я многих помню.

– А там кто был? У автомата? – вспомнил Андрей про бомжеватого мужика, с которым разговаривала Нина.

– Где?

– Ну, когда я подошёл к телефонной будке, вы с кем-то разговаривали.

– А-а... Это незнакомый. Я просто пришла заранее, на всякий случай. Стояла, ждала вас – думала, вдруг раньше подойдёте. А мужчина тот подошёл и попросил денег. Я спросила, зачем ему, а он говорит, на еду не хватает. Но я-то вижу, что он выпить хочет. Ну и я сказала ему, мол, давайте я вам сама поесть куплю. А он смеётся, говорит, нет, денег лучше дай, – Нина как-то печально улыбнулась. – А я не дала.

– А еду купили бы?

Она снова пожала плечами:

– Почему нет? Может, человеку и вправду есть нечего. Всякое в жизни бывает.

Он иронически усмехнулся и искоса глянул на неё. Достав из нагрудного кармана сигареты, закурил. Какое-то время снова шли молча.

Наконец дошли до парка. «Что-то я не рассчитал, надо было, наверное, дома пообедать, – подумал Андрей, почувствовав голод. – Или, может, тут в кафешку зайти перекусить... И время быстрее пройдёт, и ходить не надо будет...»

– Вы есть не хотите? – спросил он свою спутницу.

– Нет-нет, – поспешила отказать та, – я не голодна.

– А я вот что-то проголодался. Может, зайдём в кафе, перекусим?

– Как хотите, Андрей. А тут есть кафе?

– Конечно... А вы что, не знаете?

– Нет. Я, если честно, не очень хорошо ориентируюсь в городе.

– Вы не местная, что ли?

– Вообще – нет, хотя я уже семь лет тут живу.

– И что, за семь лет так и не узнали, что в парке есть кафе? Вон там, в самом углу, – Андрей повёл головой в сторону. – «Фрегат» называется.

– Так я по кафе не хожу, – развела руками Нина. – Некогда, да и не с кем.

Они пошли по крайней аллее в дальний угол парка, где находилось кафе. Андрей молчал, Нина слегка помахивала своей сумочкой.

– Андрей, а вам ваша работа нравится? – посмотрела она на него.

Он равнодушно пожал плечами:

– Работа как работа, ничего особенного, – и снова замолчал.

– Мгм... Андрей, извините, а можно спросить ещё?

– О чём? Спрашивайте...

– У вас вот кольцо обручальное... Вы разве женаты?

Андрей стушевался и немного покраснел.

– Да нет... это... – он стащил кольцо с пальца и сунул его в карман брюк. – Не снял ещё просто. Я был женат, но сейчас уже нет. У родителей живу.

– Понятно, – кивнула Нина. Чуть помолчав, добавила: – А я с бабушкой живу. Я приехала сюда сразу после школы. А сама вообще деревенская. Папа у меня давно умер, когда я ещё маленькая была, а мама... Мама три года назад умерла. Я уже здесь жила. Теперь мы с бабушкой вдвоём остались.

Андрей глянул на неё и, сделав сочувственную мину, кивнул.

– А приехала, чтоб на врача учиться, – продолжала Нина, – но в мединститут не прошла по конкурсу, а вот в училище приняли. Можно было, конечно, после училища снова в институт пойти, но я передумала. Решила так медсестрой и работать. Мне нравится. Хотя врач, с которой я работаю, говорит: иди, учись. А я вот не знаю. Может, и пойду потом. Попозже... Через годик-два. Опыта наберусь побольше.

Андрей снова посмотрел на часы, на этот раз украдкой. Стрелки показывали без двадцати три.

Посетителей в парке было немного. В основном прогуливались пожилые люди, на детской площадке играли дети, рядом на лавочках сидели их родители. Между тополями и липами в траве ярко желтели одуванчики.

– Андрей, вы, наверное, уже жалеете, что встретились со мной? – вдруг тихо спросила Нина, опустив глаза.

Он растерялся от такого вопроса:

– Почему вы так решили?

– Ну... вы, наверное, думали, кто-то другой придёт.

– Да нет, почему...

Чтоб скрыть неловкость, он потянулся за сигаретами, хотя курить не хотелось.

Нина грустно улыбнулась:

– Вам вовсе не обязательно гулять со мной. Вы можете...

Но она не договорила. С детской площадки, мимо которой они как раз проходили, донёсся громкий возглас.

– Вика! Что с тобой?! Вика! – говорила, почти кричала, озабоченно нахмурив брови и держа за руку маленькую девочку, женщина лет тридцати.

Девочке на вид было лет пять-шесть. Лицо её исказила плаксивая гримаса, оно было покрыто красными пятнами, а щёки и веки выглядели припухшими. При этом девочка молчала и тяжело дышала, широко раскрыв глаза, в которых стояли слёзы. Правой рукой она держалась за левое плечико, а возле её ног валялся сплетённый наполовину веночек из одуванчиков.

– Что-то случилось, – Нина замедлила шаг и с беспокойством посмотрела в ту сторону.

– Да ладно, – Андрей, не останавливаясь, шёл дальше, – сами разберутся.

– Андрей, подождите, пожалуйста, я сейчас... – не обратив внимания на его слова, Нина свернула с аллеи и быстро пошла в сторону большой песочницы, возле которой и находились девочка с женщиной.

Он остановился и сунул сигареты обратно в карман.

– Что произошло? – спросила Нина у женщины.

Та мельком глянула на неё, но не ответила.

– Вика, что с тобой? – взяв девочку за плечи, она слегка тряхнула дочь.

– Что произошло?! – более громко и настойчиво повторила свой вопрос

Нина. – Я врач, в чём дело?

Мать девочки растерянно пожала плечами:

– Я не знаю, она закричала, а потом вот... – повернувшись к дочери, она снова тряхнула её. – Вика, почему ты молчишь? У тебя что-то болит? Ты слышишь меня?

Нина тоже присела возле девочки.

– Не трясите её! – громко и чётко произнесла она. Потом ласково, но твёрдо сказала девочке: – Тихо, не бойся. Давай ручку уберём.

Плечо под ладошкой было опухшим. На нём отчётливо виднелось красное пятно.

– Скажите, её пчёлы когда-нибудь кусали? – посмотрела Нина на мать девочки.

– Пчёлы? – удивлённо переспросила та. – Вы думаете...

– Кусали или нет?! – резко перебила её Нина.

– Да, – проговорила мать, – месяц назад примерно, на даче...

– Один раз и всё?

– Кажется, да...

– Она что-то ела сейчас?

– Нет, мы дома поели. Давно уже.

– Понятно, – тихо сказала Нина, осматривая девочкино плечо.

– Что понятно? – испуганно спросила мать. – Что с ней?!

– Похоже, что анафилактический шок, аллергическая реакция, – Нина аккуратно обняла девочку и взяла её на руки. – Не бойся, всё будет хорошо. Её надо положить, – она быстро глянула по сторонам.

Рядом стали собираться люди.

– Может, «скорую» надо? – спросила мать девочки.

– «Скорую» надо, но, боюсь, она может не успеть, – Нина подошла к ближайшей скамейке и положила на неё девочку. Потом повернулась к матери, сказала решительным тоном: – Садитесь рядом, приподнимите ей ноги, чтоб были выше головы. Разговаривайте с ней. Дайте мне ваш платок или что там у вас!

Женщина без вопросов сняла с шеи тонкий шифоновый шарфик и протянула Нине. Взяв шарф, та быстро перетянула им плечо девочки повыше покраснения.

Андрей всё это время стоял на прежнем месте и наблюдал за происходящим.

Нина выпрямилась и обвела взглядом стоявших поблизости людей.

– Есть кто-нибудь на машине?! – громко спросила она. Глаза её смотрели требовательно и твёрдо. – Есть кто-нибудь тут на машине?! – повторила она вопрос ещё громче.

Вперёд вышел мужчина лет пятидесяти:

– Я на машине. Я здесь с внучкой...

- Машина далеко? – не дав ему договорить, уточнила Нина.
- Нет, вот... – мужчина показал рукой в сторону. – Тут стоянка.
- Сюда подъехать сможете?

Тот как-то неопределённо повёл плечами:

– Не знаю...

– Мужчина, быстрее! – буквально закричала Нина. – Вопрос серьёзный, девочку спасти надо, «скорая» может не успеть!

– Смогу! – как-то сразу оживился мужчина.

– Быстро! Машину сюда! Вашу внучку возьмём с собой!

Молча кивнув, мужчина быстро убежал.

Между тем было похоже, что девочке становилось хуже: опухоль на лице усилилась, всё лицо и шея стали красными. Открыв рот, девочка с хриплым присвистом хватала воздух. На лбу у неё выступила испарина.

– Викусечка, Викусечка, – беспрестанно причитала её мать, – ну ты что, маленькая моя? Ну потерпи, моя хорошая. Господи, да что же это...

После того как мужчина убежал за машиной, Нина встала около девочки прямо на колени и снова стала осматривать её плечо.

– Вот жало, – наконец сказала она, ухватываясь за что-то пальцами. Погладила неподвижно лежащей девочке голову. – Ничего-ничего... Потерпи немножко. Сейчас в больницу поедем, тут рядом, – потом серьёзно посмотрела на мать. – Давайте повернём её на правый бок, следите за дыханием, и чтоб рот был открыт. Да, кстати, – она глянула на людей, – водки, случайно, ни у кого нет?

Все промолчали.

– А зачем вам водка? – удивилась мать.

Нина не ответила, только, поморщившись, мотнула головой. Посмотрела на тяжело дышащую девочку.

– Как бы интубировать не пришлось, вот только чем? – тихонько пробормотала она и посмотрела по сторонам.

– Может, всё-таки «скорую» лучше вызвать? – опять спросил кто-то из собравшихся около лавочки людей.

– «Скорая» долго будет. Пока телефон найдём, откуда позвонить, пока им объяснишь, где это, да пока они приедут... – возразила Нина. – Минут двадцать пройдёт, не меньше. А тут больница в двух кварталах, три минуты ехать...

Не успела она договорить, как послышался рёв мотора, и из-за кустов на дорожку резко вырулил «жигулёнок». Нина подхватила девочку на руки.

– Дверь! – громко крикнула она.

Кто-то из стоявших поблизости подскочил к машине и распахнул заднюю дверь. Мать девочки кинулась следом, садясь на заднее сиденье с другой стороны. Водитель крикнул свою внучку, которая тут же заскочила на сиденье рядом с ним.

Садясь в машину, Нина на мгновение остановилась. Глянула по сторонам, увидела молча стоявшего Андрея.

– Андрей, вы извините меня, пожалуйста, но мне надо ехать. Спасибо вам... – она виновато улыбнулась и кивнула ему.

«Жигулёнок» сорвался с места и исчез за поворотом на соседней аллее. Во-

круг сразу сделалось тихо. Собравшиеся стали расходиться, обсуждая произошедшее.

Андрей опять посмотрел на часы: на всё про всё ушло минут пять, не больше. Потоптавшись на месте, он опять достал сигареты, закурил и побрёл к выходу из парка.

Пришёл он домой в непонятных растерянных чувствах. Идти купаться передумал и, пообедав, ушёл к себе в комнату, где лёг на кровать с книжкой. Но чтение не получалось. Отложив книгу, Андрей закрыл глаза. Событие в парке не шло у него из головы, не шла из головы и Нина.

Сейчас ему казалось, что в тот момент она вовсе не походила на ту девушку, которую он за каких-то полчаса до этого встретил у телефона-автомата. Некрасивое лицо, худенькая, совсем не женская фигура, мешковатое платье – всё это ушло куда-то на второй план, стало совсем не главным.

«Надо будет, наверное, позвонить ей попозже, – подумалось вдруг, – спросить, чем там всё закончилось. Стоп! А куда звонить-то? Я ведь не знаю её телефона, она же сама мне звонила». Он даже почувствовал беспокойство от этой мысли. Да, он знает дом, где она живёт, знает подъезд, однако не знает квартиры.

Андрей попробовал было отговорить себя от этой затеи: «Да зачем тебе всё это? Сам же хотел отвязаться от неё побыстрее, вот и получилось, как хотел. Даже придумывать ничего не пришлось». Но снова перед глазами всплыла сцена у песочницы: плачущая мать девочки, сама девочка – в красных пятнах, опухшая, беспомощно открывавшая рот... И ему стало как-то не по себе. А вдруг бы она взяла да и умерла там, на той лавочке? Умерла... Что бы тогда было? Ведь это страшно... Но, что интересно, в парке он этого даже не осознал, смотрел на всё со стороны, как зритель в театре. Ему стало даже как-то неловко за себя.

И там же – Нина: уверенная, собранная, её решительные фразы, жесты... А как сразу изменились её взгляд, голос, какой вдруг от неё повеяло силой. Внутренней силой. И как все слушали её: мать девочки, тот мужик с машиной, как кинулся кто-то открывать ей дверь... И Андрей вдруг понял, что в тот момент Нина была... красивая. Да, да – красивая!..

И, вспоминая сейчас всё произошедшее, он в какой-то момент вдруг отчётливо осознал, что на самом-то деле любовался ею там. Стоял, безучастно смотрел на всё со стороны, но, что касается Нины, то именно любовался... Он так удивился этому своему открытию, что даже сел на кровати. Потом резко встал и пошёл в зал, где мать с отцом смотрели какое-то кино.

- Мам, слушай, а где у нас детская поликлиника находится? Нашего района. Мать повернула голову от телевизора и с удивлением посмотрела на сына:
- Детская поликлиника? Зачем тебе?
- Ну... надо...
- Ты что, не помнишь, куда столько лет ходил?
- А-а, точно... – нахмурил он брови.
- А что ты там забыл? Заболел, что ли? Так ты вроде вышел из того возраста.
- Да нет, не заболел... – задумчиво ответил Андрей. – Просто одного человека найти надо, – и подумал: «Обязательно надо...».

ПОРТРЕТ

По главной набережной южного курортного города шёл мужчина. Вернее, он даже не шёл, а неспешно вышагивал по щербатой брусчатке. Звали мужчину Пётр Семёнович Дорошенко, и было ему пятьдесят семь лет.

Буквально два часа назад Пётр Семёнович заселился в один из недалеко расположенных отсюда санаториев, прилетев утренним рейсом из далёкого сибирского города. Совершив первым делом обязательный в таких случаях визит к врачу, вторым делом он поторопился сюда.

Полуденное черноморское солнце жарило не на шутку, но мужчину это не пугало, а даже радовало: там, откуда он прилетел, лето выдалось прохладным, и он соскучился по теплу.

Раздувая ноздри, Дорошенко с удовольствием вдыхал подзабытый запах солёного морского воздуха. На голове у него красовалась купленная пять минут назад яхтсменка с золотым якорем на лбу, торс прикрывала яркая гавайская рубашка, а на ногах, обутых в сандалии, были длинные, ниже колен, парусиновые бриджи.

Пётр Семёнович пребывал в прекрасном расположении духа. По левую руку от него с тихим ласковым шёпотом накатывали на пляж морские волны, по правую тянулся нескончаемый ряд сувенирных магазинчиков вперемежку с разномастными заведениями общепита. Поглядывая на своё отражение в витринах, Дорошенко втягивал живот, распрямлял плечи и спину и, довольный собой, брёл дальше, заложив руки за спину.

Глаза Петра Семёновича были скрыты тёмными очками, что позволяло ему без опаски и никого не стесняясь разглядывать прекрасную половину посетителей пляжа, лежащую прямо на гальке, на топчанах, или весело плескавшуюся у кромки воды. Зрелище его радовало. Но больше всего в этот чудный июльский день его радовало то, что был он здесь один. Не в том смысле, что на всей набережной кроме него больше никого не было, а в том, что прилетел сюда он один.

Чета Дорошенко всегда отдыхала вместе в одном и том же санатории практически каждый год. И на этот раз они с супругой заранее, ещё за полгода, оформили путёвку на двоих, но в последний момент жену, занимавшую ответственную должность в одном государственном учреждении, в отпуск не отпустили: случился административный форс-мажор, и пришлось ей свои планы на отдых менять. Однако Пётр Семёнович свои планы менять отказался. Вернее, даже не он сам отказался, а ему на работе отказали в переносе отпуска, на чём настаивала супруга.

– Муся, ну что я могу поделать? – огорчённо разводил руками Дорошенко-муж.

Свою жену Марию, он обычно называл по-простому Машей или Марусей, а иногда, когда нужно было выказать особое расположение или лояльность, сокращал до Муси.

Муся повздыхала-повздыхала, но в конце концов разрешила мужу лететь на курорт одному. Дело в том, что при позднем аннулировании путёвки те-

рялась изрядная сумма денег, и если потерю одной путёвки ещё можно было пережить (да и деваться было попросту некуда), то терять две было жалко, тем более что муж был ни в чём не виноват.

Провожая мужа на юг, супруга дала Петру Семёновичу строжайший наказ, как себя вести. Если коротко, то он выражался в простых словах: «ниже травы, тише воды». Муж согласно кивал, внимая Мусе, но душа его в эти секунды ликовала. Там гремели литавры, трубили трубы, взлетали салюты и сверкали фейерверки.

Дело в том, что постоянный совместный отдых с женой Петру Семёновичу изрядно поднадоел. Положа руку на сердце, хотелось отдохнуть и от неё. Редкие выезды на рыбалку с друзьями на день-два были не в счёт, хотелось чего-то более значительного. И вот судьба преподнесла ему настоящий подарок, дав возможность провести две недели на черноморском побережье без своей второй половины.

В самолёте Дорошенко игриво улыбался стюардессам и, сидя в тесном и неудобном кресле и закрыв глаза, предавался мечтам. Его фантазия рисовала заманчивые картины посещения прибрежных ресторанов, изящных флиртов с постоялицами санатория, ночных гуляний по морскому побережью в компании какой-нибудь молодой и симпатичной представительницы прекрасного пола, и много чего ещё того же порядка. И при виде этих картин на его устах появлялась безмятежная улыбка.

Сейчас, пользуясь тонированной защитой на глазах, Пётр Семёнович брёл по набережной и без стеснения рассматривал загорелых красавиц разных возрастов, коих вокруг было превеликое множество. Временами он ощущал себя настоящим охотником, этаким хищником, высматривающим добычу, и ему уже не терпелось вступить с кем-нибудь в контакт. Чайки ободряюще махали ему крыльями, пальмы приветливо покачивали огромными листьями, а солнце подмигивало с ясного безоблачного неба.

Время подошло к обеду, но в свой первый отпускной день Дорошенко решил пожертвовать санаторной едой. Он присмотрел небольшой уютный ресторанчик, находящийся прямо на выступающем в море пирсе. Когда он вошёл внутрь, бармен, стоявший за стойкой, приветливо кивнул ему:

– Присаживайтесь, официантка сейчас подойдёт.

Пётр Семёнович кивнул в ответ и осмотрелся. Посетителей почти не было: в дальнем углу сидела пара, да за столиком у стального поручня, ограждающего пирс, пила через трубочку молочный коктейль девушка в соломенной широкополой шляпе. Она-то и привлекла его внимание.

– Вы позволите? – широко улыбнулся Дорошенко, подходя к столику и отодвигая стул.

Девушка глянула по сторонам, свободных мест было предостаточно, поэтому она подняла удивлённые глаза на Петра Семёновича и, пожав плечиками, сказала:

– Пожалуйста... Я уже ухожу.

Дорошенко растерялся:

– Нет-нет... Вы не так меня поняли... Я не хотел вас прогнать, – он растянул улыбку ещё шире.

– Да ничего, всё нормально... – девушка вежливо и коротко улыбнулась в ответ, встала и, забрав сумочку, быстро удалилась.

Чуть сконфузившись, Пётр Семёнович подумал: «Однако поесть-то всё же надо», – и сел за опустевший столик. Подошедшая официантка подала ему меню и унесла оставшуюся после девушки посуду. «Ёлки зелёные!» – увидев цены, Дорошенко широко раскрыл глаза. У него тут же возникло желание встать и уйти прочь в поисках какой-нибудь недорогой столовки, но он взял себя в руки: «Э-эх! Один раз живём! В кои-то веки без Машки отдохнуть вырвался, так чего я мелочиться буду...». Широким жестом он подозвал официантку и заказал порцию барабули, спагетти (в меню было написано – паста) с морепродуктами и большой бокал красного полусладкого; хлеб подавался бесплатно.

В ожидании заказа Дорошенко обозревал пляж, вальяжно раскинувшись на ажурном металлическом стуле. Лёгкий морской ветерок приятно задувал со всех сторон, освежая успевшего вспотеть Петра Семёновича. Сняв яхтсменку, он положил её на столик, подумав о своей голове: «Пусть дышит». В дышащей голове бродили приятные, бодрящие мысли о двух неделях отдыха, которые только-только начинались.

Увы, но обед, которым он хотел отпраздновать начало своего отпуска, не оправдал его ожиданий. Барабуля была пресной, недосоленной и слишком костистой. Покопавшись в ней вилкой, Дорошенко принялся за блюдо с морепродуктами, но мидии вызвали у него отвращение одним своим видом, и он, брезгливо отодвинув их в сторону, съел только креветки. А спагетти оказались «альденте», что ему тоже не пришлось по вкусу. В довершение всего красное вино оказалось не полу-, а приторно-сладким. Сделав недовольную мину, но промолчав, Дорошенко, дабы не оставлять чаевых, расплатился за обед карточкой.

Однако он решил, что, несмотря ни на что, не позволит «этой забегаловке» испортить себе настроение. Надев яхтсменку, он энергично поднялся со стула и вдруг, ойкнув, схватился за поясницу, которую внезапно пронзила резкая боль. «Ах ты ж, ёлки зелёные! Этого ещё не хватало...» – Пётр Семёнович поморщился и, немного согнувшись, аккуратно пошёл прочь. В последнее время у него стабильно раз в полгода обострялся поясничный хондроз. Но если дома это было, как говорится, ещё туда-сюда, можно было отлежаться, взяв больничный, то сейчас это было явно не вовремя и не к месту.

Снова выйдя на набережную, Дорошенко облокотился на парапет, чтобы немного отдышаться. Какое-то время постоял так и стал аккуратно разгибать спину. «Ничего, ничего... Сейчас разомнусь, и всё нормально будет, – успокаивал он себя. – Ничего...» Когда боль в пояснице немного утихла, он снова расправил плечи, втянул, как мог, живот, и зашагал дальше. Спина продолжала неприятно ныть, не позволяла идти легко и расслабленно, но Пётр Семёнович надеялся, что «понемногу расходится».

Впереди, возле одного из ларьков с брелоками, разрисованными ракушками и магнитиками стоял прислонённый к стене большой лист ДВП. К нему были приколоты кнопками листики бумаги с нарисованными на них мужскими, женскими и детскими портретами. Тут же был установлен мольберт, возле

которого топтался бородатый лохматый мужчина в берете, напротив стояло пластиковое кресло, в котором, положив ногу на ногу, сидела симпатичная девушка. Мужчина то отшагивал назад от мольберта, то подходил к нему ближе, делая большим толстым карандашом штрихи и бросая взгляд на сидящую девушку. «Художник», – догадался Дорошенко, подходя ближе.

Сначала он посмотрел на портреты, выставленные в качестве примеров. Они ему понравились, в них явно чувствовалась рука талантливого мастера. Некоторые рисунки были чёрно-белыми, а некоторые выполнены в цвете, но и те, и другие были хороши.

– Сколько берёте? – спросил Пётр Семёнович.

Художник мельком глянул на него и назвал цены – за чёрно-белый и цветной рисунок соответственно. Дорошенко отошёл в сторонку, наблюдая за тем, как работает мужчина. Потом зашёл за его спину и заглянул в мольберт. Сходство между рисунком и сидящей в кресле девушкой было поразительным. Петру Семёновичу даже показалось, что рисунок был лучше оригинала. Это его впечатлило. «А не сделать ли и мне себе портрет? – задумался он. – На память, так сказать... А что? Цены вроде нормальные, могу себе позволить». К тому же у него неприятно ныла поясница, и он давно уже присматривал где бы сесть посидеть, отдохнуть немного.

Дорошенко повертел головой по сторонам – люди рядом стояли, но было похоже, что они просто глазели, а не ждали своей очереди.

– А меня нарисуете? – снова обратился он к художнику.

Тот спокойно пожал плечами:

– Почему бы и нет? Если вы желаете, то пожалуйста. Сейчас вот девушку закончу – пару минут буквально – и возьмусь за вас...

Когда Пётр Семёнович занял кресло, художник поинтересовался:

– Вам как – в цвете, чёрно-белый?

– Давайте цветной, чего уж... – махнул тот рукой, откидываясь на спинку.

– Хорошо. Шапочку с очками снимете или так рисовать?

Подумав, Дорошенко снял очки, яхтсменку и положил их на колено.

– Давайте без них, а то какой это портрет будет... Кстати, долго это всё у вас?

– Минут двадцать, двадцать пять... Чёрно-белый побыстрее, цветной подольше.

И художник принялся за работу. Пётр Семёнович оказался в центре внимания. Проходящие мимо люди останавливались, заглядывали в мольберт, сравнивали с моделью, одобрительно кивали и шли дальше.

Минут через пятнадцать подошли две молодые, лет по двадцать пять, девушки. Этакие сексапильные куколочки: длинноногие, загорелые красотки в коротких джинсовых шортиках и облегающих топиках, одна брюнетка, вторая – светленькая.

– Голову не поворачиваем, – сделал Петру Семёновичу замечание художник, когда тот, залюбовавшись девушками, невольно повернул голову в их сторону.

Брюнетка подошла к художнику и заглянула в мольберт, потом перевела взгляд на Дорошенко.

– Ну как? – с обворожительной, как ему казалось, улыбкой спросил тот. – Похоже?

Девушка заулыбалась и закивала:

– Супер! Вообще здорово, прям один в один. – И она показала большой палец.

Пётр Семёнович довольно крикнул и приосанился. Через пару минут художник отложил карандаши в сторону и сказал:

– Готово!

Дорошенко встал и тут же снова почувствовал довольно сильную боль в пояснице; от сидения в кресле она, казалось, стала ещё злее. Чуть поморщившись, он распрямился и снова покосился на девушек, которые по-прежнему стояли здесь же – не заметили ли они его неловкость... Художник снял лист с мольберта и повернул его к Петру Семёновичу.

Увидев нарисованное, тот обомлел... С белого листа на него смотрело усталое, обрюзгшее лицо с крупными возрастными морщинами на лбу, переносице и вокруг губ. Глаза с желтоватыми белками имели потухший взгляд, а под ними красовались тяжёлые серые мешки. Дорошенко казалось, что весь сеанс он бодро и мило улыбался, но уголки губ того, нарисованного Дорошенко, были опущены вниз, изображая кислую гримасу. А под первым подбородком свисал на шею второй, явно не красивший своего владельца.

«Господи, – подумал Дорошенко, – неужели это я?» Он, видевший себя в зеркале каждый божий день, уже и не обращал внимания на всё то, что заметила и так здорово отразила «рука талантливого мастера».

Нос у портретного Петра Семёновича имел отчётливый сливовый оттенок, на щеках алел нездоровый румянец, а на темени под редкими, зачёсанными с бока волосами угадывалась довольно обширная плешь. «Лучше б в шапке и в очках рисовал... – подумал Дорошенко. – И лучше б чёрно-белый...»

Он, ещё на что-то надеясь, глянул на художника – а вдруг тот сейчас возьмёт да и скажет, что он нарисовал «дружеский шарж». Но бородач быстро свернул портрет в трубочку, перетянул зелёной резиночкой и, отдав его модели, посмотрел на стоящих вокруг людей, приглашая занять освободившееся кресло.

Пётр Семёнович умоляюще глянул на девушек – может, они наконец-то перестанут улыбаться и решительно заявят, что получившаяся картинка совсем не похожа на оригинал, что художник в данном случае самым безобразным образом схалтурил, изобразил совсем не то, но красотки по-прежнему улыбались.

– Здорово получилось, – заверила его блондинка. – Прям так похоже...

– Ага, – промямлил Пётр Семёнович и, достав деньги, передал оговоренную сумму художнику. – Спасибо...

– Пожалуйста. – Тот спрятал деньги в карман.

Дорошенко взял свёрнутую в трубочку «память» и засеменил в сторону санатория.

От беспрестанного шума прибой и гортанного крика чаек у него разболелась голова. Сняв яхтсменку, Пётр Семёнович вытер ею мокрое от пота лицо и недовольно покосился на обилие обнажённых тел у кромки воды: «И какого чёрта они в такую жару тут вялятся? Делать больше нечего?». Стащив с носа надоевшие за день очки, он сунул их в нагрудный карман рубашки.

Часа через полтора, завидев издали корпуса своего санатория, он вдруг вспомнил жену. Вспомнил, как в прежние годы они вместе с ней прогулива-

лись среди пальм и кипарисов по этим дорожкам, а на душе тогда было хорошо, покойно и несуетно. «Чего мне тут две недели делать-то одному? Я ж от скуки сдохну...» – поморщился Пётр Семёнович от тянущей боли в пояснице.

Вскоре, припадая на одну ногу и держась левой рукой за спину, он прибыл к месту. Поднявшись на второй этаж на лифте, Дорошенко вошёл в свой одноступенчатый полуплюкс, ещё с утра суливший ему такую массу удовольствий и возможностей, а сейчас показавшийся вдруг пустой одноступенчатой камерой.

Небрежно бросив свой портрет на полку для обуви, он, кряхтя и морщась, лёг на кровать. Нащупав рукой в тумбочке обручальное кольцо, предварительно и с большим трудом снятое им перед выходом на променады, он снова надел его на безымянный палец. Тяжело вздохнув, Дорошенко вынул из кармана бриджей мобильник и набрал номер жены.

– Да? – в голосе супруги послышалось удивление и тревога. – Что случилось?

Дело в том, что звонок после прилёта он уже сделал, а время очередного сеанса связи было назначено на шесть вечера (дома в это время было уже десять часов, после чего жена ложилась спать).

– Муся, слушай... – голосом умирающего произнёс Пётр Семёнович. – Может, отпустят тебя всё же, а? Приезжай... А то я чё-то уже соскучился по тебе...